

ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Прохорова Г.А.¹

¹Частная образовательная организация высшего образования-ассоциация «тульский университет (ТИЭИ)», Тула, Россия, ул. Рязанская, 1. Индекс: 300024, Email: mail@tiei.ru, abitur@tiei.ru

---

В статье рассматривается специфика концепции российской истории в учении евразийцев. Она заключается в подробном исследовании взаимоотношений тюркских народов и славянских племен. Отмечается, что славяне ближе к тюркским народам, чем к европейским, так как они существуют в общем месторазвитии. Евразийцы рассматривают татаро-монгольское иго как благо для Руси, в отличие от традиционной историографии. Европеизацию России Петром I оценивают по преимуществу отрицательно, как событие, породившее раскол между «верхами» и «низами» Российского государства. Революция понимается как неизбежное, долго назревавшее и неслучайное событие. При всех негативных проявлениях революционного процесса, евразийцы видят и положительные итоги этого события: отдаление от Европы, возврат к восточным образцам государственного строительства, возвращение истинного православного чувства у верующих.

Ключевые слова: евразийство, Запад, Восток, Евразия, революция.

EURASIAN CONCEPT OF RUSSIAN HISTORY

Prokhorova G.A.¹

¹ Private educational institution of higher education, the association "Tula university (TIEI)", Tula, Russia. Ryazanskaya street, 1, 300024, email: mail@tiei.ru, abitur@tiei.ru

---

The article discusses the concept of specificity of Russian history in the teaching of the Eurasians. It is a detailed study of the relationship of the Turkic peoples and the Slavic tribes. It is noted that the Slavs closer to Turkic peoples than the European, as they exist in the general mestorazvitiya. Eurasians consider the Tatar-Mongol yoke as a boon for Russia, in contrast to the traditional historiography. Europeitsatsiyu Russian Peter 1 evaluated primarily negative, as an event that gave rise to a split between "highs" and "lower ranks" of the Russian state. Revolution understood as inevitable, long maturing and non-random event. With all the negative manifestations of the revolutionary process, Eurasians and see the positive results of this event: estrangement from Europe, a return to the eastern models of state-building, the return of the true feelings of Orthodox believers.

Keywords: Eurasianism, West, East, Eurasia, the revolution.

Говоря о причинах возникновения евразийства, многие его оппоненты (в частности - Н.А. Бердяев) утверждали, что оно, хоть и не оригинально по своей идеологии, но возникло исключительно спонтанно, под влиянием катастрофической послереволюционной ситуации. Это верно лишь отчасти. Действительно, многих людей, в том числе и будущих евразийцев, серьезно задуматься над судьбами родины заставили именно Мировая война и революция. Но концептуальная основа евразийства начала складываться в сознании двух основных его лидеров - П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого еще до этих событий. Национальный перелом в умах русской интеллигенции назревал уже давно.

Евразийство возникло не на пустом месте, оно развилось в русле самобытной и яркой традиции. Своими предшественниками евразийцы считали ту традицию общественной и философской мысли России, для которой «...следует считать характерным отрицание европейской культуры, как общечеловеческой, - пишет К.И. Флоровская, - в частности -

утверждение ее непригодности для пересадки на русскую почву; раскрытие самобытности русской культуры и ее независимости от культуры европейской, ввиду того, что русская культура имеет своими истоками византийское православие и родовое самодержавие. К этому направлению следует причислить славянофилов Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и, в особых поворотах, Д.И. Менделеева, В.О. Ключевского и многих других». «Если и можно и должно кого-либо считать идеологическими предшественниками евразийцев, то это именно этих людей, так или иначе в своих утверждениях совпадавших с теми или иными утверждениями евразийцев» - заключает К.И. Флоровская [1].

Следует, однако, отметить, что евразийцы всегда отделяли себя от славянофилов, говоря о том, что славянофильские идеи (но отнюдь не сам его дух) отчасти устарели. Многие славянофильские утверждения середины XIX в. евразийцы решительно пересмотрели [2, С. 1655].

Предшественником географической концепции П.Н. Савицкого был географ и общественный деятель В.И. Ламанский (1833-1914), основы геополитики России можно найти и в трудах Д.И. Менделеева. Таким образом, евразийство, несмотря на известные различия, продолжало, в общем, уже сложившуюся и достаточно развитую традицию славянофильской и почвеннической (постславянофильской) мысли (К.Н.Леонтьев, Н.Я. Данилевский). Историческая концепция евразийства, - существенное место в которой отводилось истории кочевых народов Евразии, монголо-татарского ига и его оценке, - имела предшественника в лице консервативного мыслителя первой половины XIX века М.Л. Магницкого (1778-1855), который в полемике с Н.М. Карамзиным говорил и о положительных сторонах последнего явления.

Своеобразным и ярким предшественником евразийства уже в нашем столетии можно считать В.Ф. Эрн (1882-1917), религиозного философа и публициста. На это указывал и Н.А. Бердяев, называя Эрн «типичным евразийцем по настроению». Но для Бердяева эта аналогия, по-видимому, объяснялась исключительно схожестью эмоционального настроения тех и другого. Однако современные исследователи указывают и на идеологическое предвосхищение Эрном евразийства. Речь идет о цикле его лекций «Время славянофильствует...», относящихся к 1914 году, и вызванных национальным подъемом, испытанным частью русского общества в связи с началом Великой войны. Выражение это стало крылатым и использовалось, в том числе, и в евразийской среде, где было переделано на иной лад: «Время евразийствует». Основным тезисом Эрн было то, что само время, то есть совокупность новых жизненных условий, не отвлеченное умствование, а новая историческая реальность, побуждает славянофильство к возрождению, и оно вновь должно обрести силу. «Своим положением, - писал он, - я хочу сказать, что каково бы ни было

массовое сознание образованных русских людей, мы фактически вступаем в славянофильский эон [эон - термин гностической философии; здесь - период] нашей истории». Он верно отметил существовавшую тенденцию. Действительно, старые идеологические установки интеллигенции на безусловный европоцентризм, которые основывались на обожествлении европейской цивилизации, с началом Мировой войны полностью лишились своего гуманистического пафоса[1]. История безоговорочно опровергла подобную идеологию, и естественно, что к новой жизни пробуждались славянофильские воззрения, до этого пребывавшие на втором плане. Почва для развития евразийства была подготовлена, и оно ознаменовало собой новый и качественно отличный от предыдущих этапов становления национальной идеи.

Появление евразийства было закономерно и обусловлено всей логикой развития самобытной отечественной мысли. Революция же и гражданская война, завершившаяся поражением Белого движения, к участникам которого, так или иначе, принадлежали евразийцы, стали только поводом для развития евразийства.

Евразийство, вобрав в себя наиболее конструктивные элементы предыдущих концепций российской национальной идеологии, и сформировавшись в совершенно новой послереволюционной ситуации, которая предъявляла повышенные требования к носителям русского самосознания, и стало его вершиной, воплотив в себе наиболее полную и вместе с тем современную национальную доктрину России.

Классическое евразийство было идейным наследником славянофильства. П.Н. Савицкий отмечал, что: «Евразийство, конечно, лежит в общей со славянофилами сфере... проблема взаимоотношений обоих течений не может быть сведена к простому преемству». Уникальность же евразийства по мнению автора заключается в том, что это был оригинальный синтез трех учений:

- византизма поздних славянофилов, т.е. признания основополагающим элементом Российской культуры византийского предания и Православной Церкви, соединенного с неприятием европейской цивилизации Нового времени;
- восточничества «поворот к Востоку (Азии)», т.е. признания положительной роли татаро-монгольского ига и единства исторической судьбы и культуры русского и туранских (восточных) народов;
- оригинального политико-экономического учения, близкого к марксизму по своим политическим выводам [4, С. 296].

Синтез этих трех учений основывался на анализе культуры и истории России с одной стороны, а с другой стороны, на одной из первых в мире теорий геополитики, т.е. соотнесении политических и национальных форм органического бытия жизни народов с

географическим пространством, или цивилизационном подходе.

Согласно П.Н. Савицкому, «Россия-Евразия есть центр Старого Света. «... Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир» [4, С. 295-303].

Отталкиваясь от неприятия романо-германской цивилизации, оно ставило задачу создания самобытной Российской цивилизации (Россия-Евразия), утверждающейся на началах Православия. П.Н. Савицкий в своей статье «Евразийство» писал: «Евразийцы... стоят на почве традиции. ...Россию-Евразию они воспринимают как единство... Дело заключается в том, чтобы найти в ее пределах должные формы сожителства наций. Евразийцы понимают Россию как «собор народов...» [4, С. 295-303)].

Но кроме этого, для утверждения своей позиции евразийцам было необходимо опровергнуть расхожие представления европоцентристских идеологий об Азии как темной и дикой массе некультурных народов, подорвав, таким образом, идею об исключительности западного Просвещения. Эту идею блестяще развивал Н.С. Трубецкой в статье «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» [1].

Евразийцы также ставили перед собой задачу осмысления русской революции 1917г. и марксистской идеологии в целом с ее минусами и плюсами. Осмысление революции было необходимо, чтобы оправдать русский народ и русскую культуру в глазах белой эмиграции, разуверившейся в старом славянофильском идеале «народа-богоносца».

Основы евразийства можно изложить следующим образом. Россия является особым географическим миром, отличным как от Европы, так и от Азии. Об этом, по мнению евразийцев, неоспоримо свидетельствуют ее географические особенности: наличие четко выделяющихся природных зон, расположенных подобно горизонтальным полосам флага, в отличие от Европы и Азии, где их расположение — «мозаически-дробное». Уральский горный хребет лишь условно разделяет эту горизонтально расположенную систему, так как никакого принципиального изменения в ней за его рубежом не происходит. Поэтому утверждение, что Европа продолжается до Урала, где начинается Азия, не имеет никакого научного основания. Напротив, география, а также почвоведение, неоспоримо свидетельствуют о существовании особого географического мира, приблизительно совпадающего с территорией Российской империи. Этот мир предлагалось считать Евразией.

Все народы мира живут во взаимодействии с географической средой; воздействуют на нее, но и сами испытывают ее воздействие. Поэтому понимание истории народа немислимо без уяснения понятия месторазвития - совокупности естественных условий (особенности ландшафта, почвы, растительности, климата и т.п.), в которых разворачивается история данного народа. Влиянием месторазвития обусловлен ряд черт психологии, культуры, «менталитета» этноса. При этом разные народы, не связанные общностью происхождения,

но длительное время сосуществующие в пределах одного месторазвития, могут становиться ближе друг к другу, чем народы изначально родственные, но развивающиеся в разных месторазвитиях. Поэтому, несмотря на очевидные различия между ними, русский народ может быть ближе к другим народам России: тюркским, финно-угорским и д.р., чем к славянам, привязанным к европейскому месторазвитию.

Существует особый туранский этнопсихологический тип, присущий кочевым народам Азии. Для него, в частности, характерны: приоритет духовного над материальным, стремление к четко очерченным и не допускающим «разброда и шатания» границам мировоззрения, устойчивым ценностям и формам самосознания. Эти черты в равной степени присущи и русскому народу, что позволяет говорить об общности ряда черт этнической психологии русских и туранцев, а так же о туранском элементе в русской культуре (Н.С. Трубецкой) [1].

Помимо генетического родства языков существует еще родство иного порядка, обусловленное не общим происхождением, а длительным соседством и взаимодействием языков. В результате такого взаимодействия складываются языковые союзы. Ряд сходных черт в языках русском с одной стороны и финно-угорских, тюркских, иных языках народов Евразии - с другой, говорит о существовании особого Евразийского языкового союза (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон) [7, С. 109].

Киевская Русь, считали евразийцы, была нежизнеспособным государственным образованием, так как у русских князей не было представления о единой государственности, без которой самостоятельность Руси была невозможна, и они не ставили себе никаких широких исторических задач. Располагаясь на западной окраине Евразии, Киевская Русь была ограничена узкой территорией, она была протянута в меридиональном направлении. Но власть над всей Евразией неминуемо должна была сосредоточиться в руках того народа, который будет действовать в направлении параллелей, так как прямоугольник степей, протянутый на громадные расстояния от Карпат до Хингана, обеспечивал безусловное господство над всем континентом. Те народы, которые занимали степи, были безраздельными властителями всей Евразии. Естественно, что это были кочевые народы - вначале скифы, затем гунны. С исчезновением последних вопрос о господстве над степью, а, следовательно - над всей Евразией оставался открытым. Задача состояла в том, чтобы мощным колониационным движением по линии Восток - Запад объединить Евразию. Русичи не могли и не хотели исполнить эту задачу. В то же время монголы, переживавшие период пассионарности (термин Л.Н. Гумилева), были способны к этому. И они объединили континент под своей властью. Огромные пространства Евразии должны были быть заполнены. Эту необходимую роль взяли на себя монголы.

Для России, считали евразийцы, монгольское иго было не злом, а благом. Русские книжники осознавали нашествие монголов не как беспричинное бедствие, а как Божью кару за грехи междоусобных войн. На это обстоятельство не обращают должного внимания. "Его же любит Господь, наказует" (Евр., XII, 6). Наказание посылается Богом не ради наказания как такового, а для исправления. И именно такова роль наказания Руси монгольским игом. Оно служило к исправлению Руси и свое назначение выполнило. В горниле монгольского ига развилось и окрепло национальное чувство восточных славян, превратившее их затем в русскую нацию.

Русские переняли у монголов те необходимые элементы единого государства, которых у нас не было - систему сообщений (почтовые станции) и финансовую систему. Об этом свидетельствуют слова тюркские по происхождению: ям (почтовая станция; отсюда - ямская гоньба, ямщик и т.п.), деньги, алтын и т.п. Если бы в России существовали денотаты этих понятий - системы связи и финансов - то не было бы смысла их переименовывать. Эти слова вошли в русский язык вместе с обозначаемыми ими реалиями, заимствованными у монголов. Не было на Руси системы государственного управления вообще, не существовало развитого класса чиновников, способного управлять масштабным государственным образованием. У монголов все это было. А без этих систем, по евразийцам, Русь вечно оставалась бы в состоянии феодальной раздробленности [4, С. 295-303].

Таким образом, основы государственности Московской Руси, помимо византийских истоков, имеют еще монгольские. Из Византии на Русь вместе с верой пришла только государственная идеология, но практика государственного строительства, основы российского государственного аппарата имели образцом монгольские реалии.

После распада Монгольской империи на ряд улусов, Евразия снова оказалась разъединенной. Но единый природный мир не может не тяготеть и к политическому единству. Нужна была новая сила, способная объединить Евразию. Теперь этой силой стала Россия, обогащенная опытом монгольского государственного строительства. Началось колонизационное движение русских на восток, приведшее к образованию Московского царства, вышедшего к Тихому океану. Евразия снова была объединена новой исторической силой - русским народом.

Эти процессы укладываются в периодическую схему Г.В. Вернадского, согласно которой единая государственность на просторах Евразии периодически сменяется раздробленностью и наоборот. В это схему укладывается и распад единого государства в 1991 г., однако из нее же явствует, что с неизбежностью исторической закономерности это единство будет восстановлено.

Петр I превратил Московское царство в Российскую империю. Евразийцы не отрицали положительных сторон государственности императорского периода, но считали при этом, что европеизация России была проведена необдуманно [4]. В этом - одна из

причин революции 1917 г. Правящий слой России отказался от национальных культурных традиций и стал бездумно копировать культуру (и бескультурье) европейцев, широкие же массы народа продолжали жить культурой национальной. Поэтому между народом и правящим слоем образовался разрыв [6]. Этот раскол нации стал одной из причин краха Империи.

В развернувшейся после революции гражданской борьбе белые армии были обречены на неудачу. Как бы ни был высок героизм белых офицеров и солдат, победа над большевизмом могла быть достигнута только противопоставлением ему соразмерной по силе идеологии. Такой идеологии не было и не могло быть ни у вождей и лидеров Белого движения, ни у какой-либо из существовавших в России политических партий. Но такая идеология была создана евразийцами.

Они признавали как неоспоримый факт, что революция коренным образом изменила и Россию и мир [3, С. 59], и что возврат в прошлое, к России императорского (петербургского) периода невозможен, да и не нужен, ибо в нем коренились причины революции. В тоже время революцией создано много нового. Эмигранты вообще склонны были отрицать все созданное революцией. Евразийцы же признавали, что в результате ее, не столько благодаря, сколько вопреки коммунистам, создано много жизнеспособного, хорошего и пригодного для строительства национального государства в будущем.

Этими положительными следствиями революции было следующее: коммунисты, пытавшиеся навязать России новейшую европейскую идеологию, ее наиболее радикальные европеизаторы, на деле добились обратного; Россия была противопоставлена Европе, исключена из сферы ее влияния. Коммунисты повели кампанию против Православия с целью его уничтожения, этим добились отступничества колеблющихся, но и небывалого духовного взлета в тысячах русских людей, небывалого напряжения остроты религиозного чувства. Таким образом, вместе с внешним уничтожением Церкви произошло ее внутреннее, духовное утверждение и возвышение [1].

Под руководством коммунистов была создана жизнеспособная система плановой экономики, сильная промышленность (при этом евразийцы указывали на варварские способы коллективизации, осуждали их, и говорили, что добром это не кончится). Кроме того, система советов представляет собой подлинно демократическое учреждение.

Однако все эти положительные стороны уравниваются, если не перевешиваются отрицательными: коммунизм является, безусловно, ложной идеологией, коммунистическая диктатура подавляет номинально существующие возможности народовластия, преступна борьба с верой, чудовищны масштабы разгрома и распродажи культурных ценностей России, непрофессионализм советских руководителей экономической политики грозят свести к нулю

ее достижения и т.п. Все это отлично видели евразийцы. Таким образом, отношение евразийцев к советской власти было объективным [2, С. 1655].

Таким образом, в концепции истории евразийцев прослеживается большое внимание к значению восточных элементов, как в государственном, так и других аспектах.

Список литературы

1. Ключников С. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: - Из-во: «Беловодье», 1997.
2. Прохорова Г.А., Сломинская Е.В. Проблема процесса модернизации России через призму особенностей ее исторического развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1; URL: www.science-education.ru/121-19490.
3. Сломинская Е.В. Российская научно-техническая интеллигенция XVIII - начала XX века в отечественной историографии (1917 г. - первое десятилетие XXI века): дис..... канд. ист. наук: 07.00.02. - Тула, 2012.
4. Савицкий П.Н. Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
5. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Европа и человечество. - М.: Эксмо, 2007.
6. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры: этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. София, 1921.
7. Трубецкой Н.С. «Вавилонская башня и смешение языков»// Евразийский временник. Берлин, 1923.

Рецензенты:

Кузнецова Е.И., д.и.н., профессор кафедры истории государства и права ТулГУ, г.Тула;

Чемоданова Д.И., д.п.н., старший научный сотрудник психолого-педагогической лаборатории НИИОТ, г.Москва.